

ПАМЯТИ ТОВАРИЩА

Виктор Кузнецов

*Он был известен своей страстной связью.
С литературой.*

Ушел из жизни Виктор Кузнецов. Ушел как-то тихо, незаметно. Как-то сразу он оборвал все свои связи, знакомства, а потом и жизнь.

Не сразу и спохватились:

– Где же Виктор? Что с ним?

Я посылал ему письмо за письмом. «Дорогой Виктор Владимирович, уже давно не слышу Вас. Что с Вами? Уж не больны ли? Черкните пару строк, может чего надо, с удовольствием помогу, чем смогу».

Но он молчал.

Спрашивал о нем у его знакомых. Но и они уже давно ничего не слышали о нем.

Его не стало в ночь с 15 на 16 апреля 2010 года.

На работе его ждали несколько дней. Искали по больницам, у родных. Потом пришли со спасателями к нему домой, вскрыли дверь. Увы, спасти было поздно. Сердце...

Вспоминаю, однажды мы с ним договорились о встрече на Чеховской. Всегда чрезвычайно аккуратный, он приходил за несколько минут до назначенного времени. А тут – нет и нет его. Наконец появляется. Взгляд растерян, на лице виноватая улыбка. Как обычно, слегка заикаясь, говорит:

– Простите великодушно. Был на приеме у врача. Но, вроде бы, все в порядке.

Теперь, вспоминая, допускаю, что мог и не рассказать всей правды. Он не любил, как теперь говорят, нагружать окружающих своими проблемами. Зато сам к проблемам других был чувствителен чрезвычайно.

Рассказывают, предлагал своей писательской организации немаленькие деньги, просто, бескорыстно помогая ей в трудную минуту. Помогал пристраивать работы своих коллег и товарищей в различные издания. Охотно, но как-то по-детски смущаясь, стремился поддержать и «Корни», особенно, когда шла его публикация. Словно оправдываясь, говорил:

– Я ведь с нефтью связан. Получаю большие деньги. А тратить мне особенно некуда. Не пью. Не курю. Машину не завожу принципиально, хотя уже давно мог бы купить. Из всех страстей – выбрал литературу. И получаю большое удовольствие.

Собирая сведения о нем, как об авторе, знал, что Виктор Кузнецов – член Союза писателей Москвы, талантливый публицист и прозаик. Родился 8 июня 1942 года в небольшом узбекском селе недалеко от Ташкента. Жил и учился в России, в Казани. Фактически этот город сформировал его как личность и как будущего литератора. Недаром свои литературные труды он первые годы подписывал Кузнецов-Казанский. Здесь окончил геологический факультет Казанского университета. Кандидат геолого-минералогических наук. Работал в Якутии и на полуострове Мангышлак, ведущий научный сотрудник лаборатории физики нефтяного пласта ОАО «ВНИИнефть». Дружил со многими литераторами – своими соседями по даче в Переделкино. Будучи человеком обязательным и отзывчивым до чрезвычайности, всегда был готов помочь, поддержать, посочувствовать, соучаствовать.

Виктор мог бы сказать про себя, как Чехов: «Литература – моя незаконная жена». И действительно, этой привязанности, увлечению, а, может быть, и страсти он отдавался самозабвенно.

Рассказы и очерки Виктора Владимировича Кузнецова печатались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Кольцо А», «Крыша мира», «Литературный европеец», «Мосты», «Грани», «Новое время», «Новый Журнал», «Наука и жизнь», «Вестник» (США), а также и в центральных газетах.

Многие его произведения опубликованы в ежемесячном литературном журнале «Наша улица», сотрудничество с которым началось в 2000 году. Участник альманаха «Ре-цепт» (2008).

Незадолго до смерти вышел из печати первый номер задуманного и составленного им литературного альманаха «Лесной орех». Готовился второй номер.

Он был лауреат двух премий, автор пяти книг прозы и эссеистики.

**Виктор Владимирович
Кузнецов**

Особое место в творчестве Виктора Владимировича занимала еврейская тема, прежде всего люди с трагической судьбой. Он нес свои рассказы и очерки в журналы «Алеф», «Корни», «Мишпоха», газету «Информпространство» и другие издания.

Только за последние годы он опубликовал в «Корнях» около десяти очерков и рецензий на книги еврейских авторов. Среди этих публикаций особое место занимает рассказ, где он трогательно описывает свою поездку в нынешнюю Казань и посещение там местного еврейского центра. И опять, верный себе, он пишет, в первую очередь, о людях, называя каждого поименно,

вспоминая характерные черты и персональный вклад в еврейское движение, национальную культуру и просвещение.

Казань для Виктора Владимировича не только культурная родина, но и город, где реализовались его интернациональные мечты. Он особо отмечал, что деньги на возрождение еврейского центра наряду с другими дал имам-хатыб мечети «Нурулла» Габдулла Галиуллин, а еврейский ансамбль «Симха» по традиции, установленной его основателем, замечательным скрипачом и концертмейстером Леонидом Сонцем, выступает с концертными программами татарской музыки.

Последней работой Виктора Кузнецова была яркая рецензия на книгу Леонида Гомберга «Израиль и фараон. Секреты библейской истории», опубликованная в «Корнях» № 43. Когда друзья Леонида собрались в Доме литераторов, чтобы обсудить эту книгу и поздравить автора с творческим успехом, Виктора среди нас не оказалось. Предчувствия беды закрались в душу.

Как печально, что предчувствия сбылись, что любимого всеми Виктора Владимировича Кузнецова уже не будет с нами.

В память о Викторе Кузнецове ниже мы публикуем одну из последних его работ. Об А.П. Чехове. Он был бы рад увидеть ее в нашем журнале.

Семен Августевич

Виктор Кузнецов

Белый халат доктора Чехова (к 150-летию со дня рождения)

Никто из близких не советовал уездному врачу Антону Павловичу Чехову, всерьез увлекшемуся литературой, менять «настоящее дело на бумагомарание». «Медицина – моя законная жена, литература – незаконная», – так сам он, став уже знаменитым писателем, за несколько лет до женитьбы на Ольге Книппер определял свое гражданское состояние. И это была не просто шутка...

Сдав весной 1884 года государственные выпускные экзамены, Антон Чехов получил медицинский диплом, подписанный знаменитым русским хирургом Н. В. Склифосовским. К 15-й годовщине окончания медицинского факультета Московского университета сокурсники задумали издать юбилейный альбом. В ответ на просьбу о портрете и жизнеописании Чехов заявил, что фотографию высылает, а по второму пункту ставит себе диагноз «автобиографофобия».

Вскоре он все-таки сообщил: «...Выбрал медицинский факультет – не помню по каким соображениям, но в выборе потом не раскаялся... Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня, как для писателя, может понять только тот, кто сам врач...

Что касается практической медицины, то еще студентом я работал в Воскресенской земской больнице близ Нового Иерусалима, у известного земского врача П. А. Архангельского, потом недолго был врачом в Звенигородской больнице. В холерные годы заведовал Мелиховским участком Серпуховского уезда».

В Воскресенской больнице Чехов практиковал и после получения диплома, посещая больных через день. Однажды участвовал во вскрытии убитого – прямо в поле, под дубом, ибо мужики умоляли не делать этого в деревне. Даже ведра не дали, чтобы набрать воду из пруда, зато украсть в соседнем селе не затруднились... Вскоре после этого лекарь Чехов с полмесяца замещал земского врача в Звенигороде, принимая за полдня по полсотне больных...

Через 50-70 лет после кончины доктора А. П. Чехова наши крупнейшие ученые-медики (среди них – терапевты И. А. Кассирс-

кий, Г. П. Шульцев, Р. А. Лурия, хирурги С. С. Юдин, Б. М. Шубин) подчеркнут его выдающуюся роль в развитии отечественной медицины. А всенародно любимый писатель К. Г. Паустовский произнесет мудрые и проникновенные слова: «Если бы Чехов не был врачом, то, возможно, он бы не создал такую острую, как скальпель, аналитическую и точную прозу».

Холера наступала с юга

Живя с начала 80-х годов в Москве, Антон Павлович совмещал литературу и медицину, на том и другом зарабатывая не слишком много. В марте 1886 года он получил письмо от Д. В. Григоровича, где старый писатель призвал молодого уважать свой талант и, бросив срочную работу, всецело отдаться литературе. Прервали врачебную практику Чехова не только загруженность писательством, но и тяжелый случай того же года: две его пациентки – мать и сестра художника Янова – умерли от тифа. Антон Павлович в сердцах снял со своих дверей докторскую вывеску и, хотя некоторое время еще лечил больных, больше ее не прикреплял.

Тем не менее и в последующие годы Чехов участвовал во врачебных съездах, слушал лекции о новых открытиях в медицине и в письмах к брату подписывался «брат и сестра Антоний и Медицина»... Посещая Петербург, где печатался в журнале «Осколки», пользовался больными из семей его сотрудников и писателя Дмитрия Григоровича...

В 1890 году Чехов совершил свою знаменитую поездку на Сахалин и провел там серьезные медико-социологические исследования. Работа над книгой об увиденном была завершена в следующем году.

Все ненаучные способы лечения болезней (заговоры, молитвы, нашептывания и прочее) писатель считал шарлатанством. Летом 1891 года в Тульской губернии он вновь участвовал во врачевании и делал вскрытия. Но самый значительный период в медицинской карьере доктора Чехова начался в 1892 году с покупкой имения Мелихово. В июне он сообщил оттуда редактору «Нового времени» А. С. Суворину: «Пришли больные. Баба с глазом. Дала полотенец».

Это была еще частная практика. Но меньше чем через месяц его пригласили в санитарные врачи от земства по случаю надвигающейся с юга холеры. Чехов стал бесплатно работать на большом участке с 25 деревнями, четырьмя фабриками и монастырем. И совсем не имел времени писать. Он объезжал села с просветительскими лекциями. И всегда, зная беспросветную темноту крестьян-

ской массы, начинал их словами: «Бить, надеюсь, нас не будут...»

А еще доктор Чехов строил холерные бараки и принимал больных со всеми прочими неудобствами. Деньги на организацию санитарных пунктов земство не давало, и доктор выпрашивал их у богатых людей. Брал и «натуру» – известь, купорос. Фельдшера ему дали не сразу и весьма бестолкового, и Чехов надеялся, что в день будет не больше одного-двух случаев холеры – каждому больному надо отдавать по 5-10 часов.

За лето ему пришлось иметь дело с тифом, дифтеритом, скарлатиной... Эпидемия холеры остановилась в 30 верстах от него. Антон Павлович с тревогой ждал осени, когда участок официально намечалось закрыть: «Странно, что к зиме холера захватывает все больший район, – писал он 10 октября. – Я отпущу фельдшера, закрою барак и, если случится холера, буду изображать из себя нечто комическое». Плюс к этому заболел врач соседнего участка, и Чехову по долгу товарищества пришлось взять и его больных. Правда, земский врач имел право в тяжелой ситуации вызвать санитарный отряд из Москвы...

К счастью, холера до Мелихова не дошла. На ближайшем участке заболело 16 человек, четверо из них умерли. Малую смертность Чехов ставил в заслугу тамошнему врачу Петру Куркину (впоследствии известному демографу). Кстати, на премьере «Дяди Вани» зрители Художественного театра увидели картограмму Серпуховского уезда с селом Мелиховом в центре. Ее по просьбе Антона Павловича изготавил доктор Куркин...

В феврале 1893 года Чехов направил в управу медицинский отчет, куда, как он сам отмечает, «кроме цифр, подпустил несколько великих мыслей». Из тысячи с лишним больных он успел зарегистрировать только 600. Зимой и весной он вел прием на своем пункте – к нему обращались то обварившийся в котле мальчик, то роженца...

В марте XII экстренный губернский съезд врачей Московского земства отметил большую работу доктора Чехова. А в июле опять вспыхнула холера – на этот раз в 20 верстах. А. С. Суворин, главный редактор «Нового времени», звал его в Питер, и Чехов ответил: «Можно бы удрать дня на 2-3, но фельдшерица моя жрет морфий и уже на три четверти отравлена – и не на кого мне бросить участок и больных». У Чехова вновь обошлось без холеры, но уже на исходе эпидемии, в октябре, от нее скончался Чайковский. «Известие поразило меня. Страшная тоска...» – телеграфирует Чехов брату композитора Модесту Ильичу.

Верность выбранному пути

Устав от напряжения и безденежья, мучимый развивающейся чахоткой, Чехов просил брата Александра выхлопотать ему место чиновника в медицинском департаменте. Служить он не намеревался – просто этот чин позволил бы получить паспорт и право проживания в Москве. Брат посдействовал, и вскоре Чехов получил отставку со словами «Холост. В походах и сражениях не был».

Теперь он намеревался заняться исключительно литературой. И вслед за книгой «Остров Сахалин» вышли в свет принесшие Чехову заслуженную славу повести и рассказы «Дуэль», «Дом с мезонином», «Палата № 6», «Черный монах», «Скрипка Ротшильда»...

«Брошу даже медицину... - делился писатель своими намерениями. - Отдал уже ей дань в виде книги о Сахалине». Но занимался многим и о медицине не забывал. В январе 1897 года, во время первой всероссийской переписи населения, Чехова беспокоили слухи о чуме. Страшила не сама болезнь, и без нее смертность была велика, а то, что «...население истолкует перепись по-своему и начнет лупить врачей: отравляют-де лишних, чтобы господам больше земли было».

Участие в переписи, с хождением по избам («...с непривычки стучаюсь головой о притолоки, и как нарочно голова трещит адски – и мигрень, и инфлюэнца») подвигла Чехова на размышления о социальных аспектах медицины. Он выражал скепсис по поводу городских больниц, откуда беднота выходила без одежды и вновь заболела.

Вместо нерегулярной благотворительности нескольких филантропов писатель предложил обложить налогом милосердия всех богатей: «Богатый москвич тратит сотни и тысячи на то, чтобы из меньшей братии создать побольше проституток, рабов, сифилитиков, алкоголиков – пусть же дает он хотя гривенники для лечения и облегчения страданий этой обобранной и развращенной им братии».

Потом целых три года (1895-1897) Чехов активно боролся за спасение «Хирургического журнала» профессора П. И. Дьяконова: помог найти издателя и за свой счет публиковал объявления о подписке. В те же дни, вспомнив жестокие страдания погибавшей от рака замечательной женщины-врача из Харькова Зинаиды Линтваревой, он активно радовался известию о якобы открытом брянским врачом Денисенко противоопухолевом средстве. Увы, сок чистотела оказался действителен лишь против бородавок...

«Я бы его вылечил...»

Известно, что Антон Павлович пытался с медицинской точки зрения анализировать некоторые страницы знаменитых литературных произведений. И так говорил о смертельной ране главного героя «Войны и мира» Л. Н. Толстого: «...Если бы я был около князя Андрея, то я бы его вылечил. Странно читать, что рана князя, богато того человека, проводившего дни и ночи с доктором, пользовавшегося уходом Наташи и Сони, издавала трупный запах. Какая паршивая была тогда медицина!...»

Наш современник профессор Б. М. Шубин, известный хирург и литератор, имея в виду – так же, как и А. П. Чехов – не свои личные способности, а общий научный прогресс, так перефразировал слова любимого писателя-коллеги: «Как слаба была старая медицина! Если бы я был рядом с Чеховым, я бы не дал ему умереть!»

...Последние годы Чехова проходили в отчаянной борьбе с чахоткой, от которой не спасали ни Ривьера, ни Крым. Покидая Мелихово, он еще мечтал заняться медициной: «Взял бы какое-нибудь место, но уже не хватает физической гибкости». В Ялте Чехов участвовал в постройке санатория для малоимущих, следил за здоровьем Льва Толстого и других живущих поблизости писателей, но очень скоро стал только пациентом. Уже перед самой кончиной, весной 1904 года, он написал из Ялты своему знакомому: «Если буду здоров, то в июле или августе поеду на Дальний Восток не корреспондентом, а врачом. Мне кажется, врач увидит больше, чем корреспондент».

На русско-японский фронт отправился другой врач и писатель – младший современник Чехова Викентий Викентиевич Смидович (Вересаев)...

Чехов же в тяжелых муках скончался июльской ночью 1904 года на 45-ом году жизни. Поздним вечером он тихо сказал жене: «Умираю» и для вызванного ею врача Швёера поворочился по-немецки: «Ich sterbe». Врач велел дать умирающему бокал шампанского. И Антон Павлович, как вспоминала Ольга Леонардовна, улыбнулся своей удивительной улыбкой и со словами «Давно я не пил шампанского...» охотно осушил поданный ему бокал. Потом повернулся на левый бок и умолк навеки...

«Страшную тишину ночи, - вспоминала О. Л. Книппер-Чехова, - нарушала только как вихрь ворвавшаяся огромных размеров черная ночная бабочка, которая мучительно билась о горящие электрические лампочки и металась по комнате. ... Среди тишины и духоты ночи со страшным шумом выскочила пробка из недопитой бутылки шампанского»...